

SELMA LAGERLÖF

Gösta Berlings
saga

СЕЛЬМА ЛАГЕРЛЁФ

Сказание
о Йосте Берлинге

Перевод
Сергея Штерна

Москва
RUGRAM
2020

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)6-44
Л14

Перевод со шведского С. Штерна

Лагерлёф, С.

Л14 Сказание о Йосте Берлинге / С. Лагерлёф ; [пер. со швед. С. Штерна]. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 550 с. — (Проклятие рода Левеншельдов).

ISBN 978-5-521-76593-5

Сельма Лагерлёф — крупнейшая писательница Швеции, первая женщина, удостоенная Нобелевской премии по литературе. Автор знаменитой на весь мир и любимой миллионами читателей книги «Удивительное путешествие Нильса с дикими гусями».

«Сказание о Йосте Берлинге» — первый роман и самое масштабное произведение Лагерлёф. История жизни разжалованного за пьянство пастора, романтика и сердцееда.

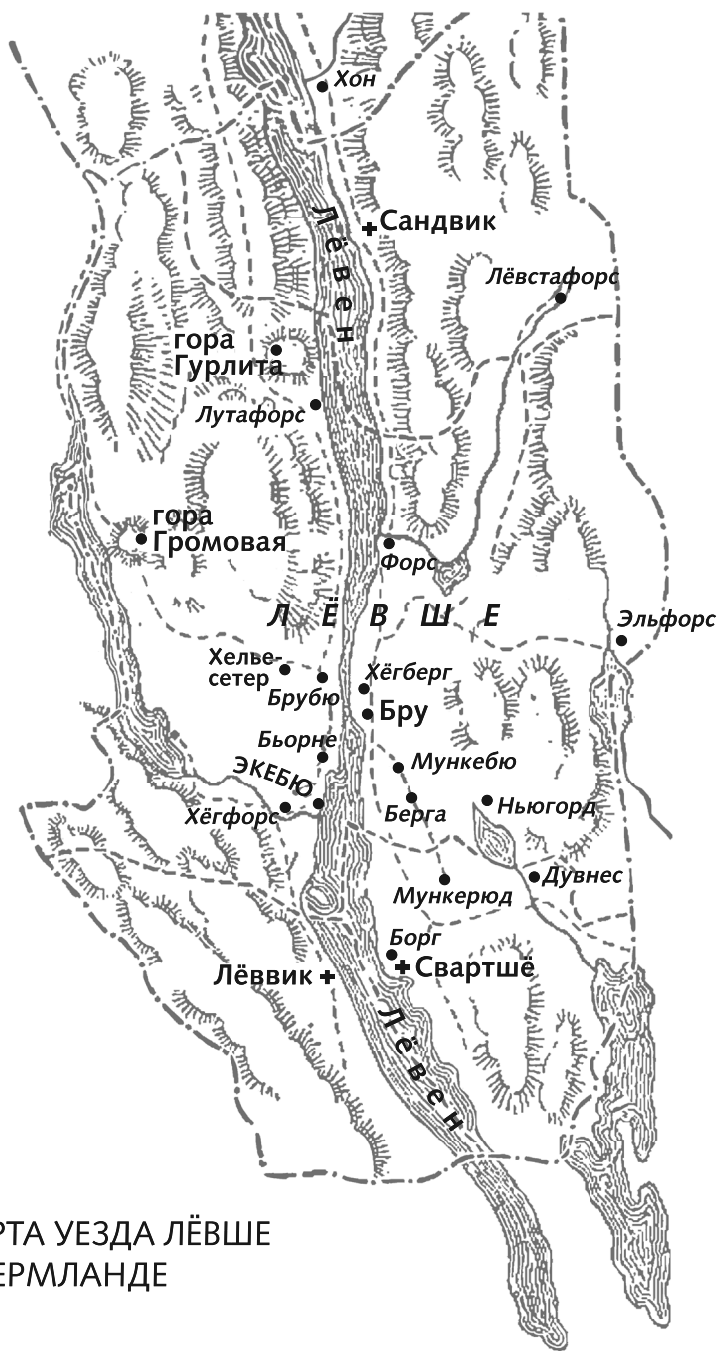
Книга, заложившая основы магического реализма. Одноименный фильм по мотивам этого романа положил начало актерской карьере блистательной Греты Гарбо.

**УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)6-44
BIC FC
BISAC FIC000000**

*Издательство выражает признательность
Шведскому Совету по Искусству — Swedish Arts Council
за финансовую поддержку в издании данного перевода*

© Штерн С. В., перевод
на русский язык, 2019
© Издание на русском языке,
перевод на русский язык, оформление.
© Т8 RUGRAM, оформление, 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

ISBN 978-5-521-76593-5

КАРТА УЕЗДА ЛЁВШЕ
В ВЕРМЛАНДЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Это прямо удивительно, как Сельме Лагерлёф пришло в голову дебютировать подобным романом!

Множество трудов по этому поводу написано, а все равно непонятно.

На дворе конец XIX века, в литературе господствует суровый социальный, или, как его называли в России, критический реализм. Каждый новый роман — не столько произведение искусства, сколько повод для жарких общественных дебатов. Символисты еще только делают первые робкие попытки возродить романтическую традицию — правда, в иных, назовем их декадентскими, формах. И романтика в их сочинениях присутствует не сама по себе, а как некий идеал. И его недостижимость внушает сочинителям плохое и унылое настроение. Даже веселый Альфонс Доде, автор «Тартарена», с грустью написал: «Глаза нашего поколения не горят огнем. У нас нет пыла ни к любви, ни к отечеству. Мы все поражены скукой и истощением, побеждены до начала действия, у всех у нас души анархистов, которым недостает храбрости».

И вдруг ни с того ни с сего скромная учительница из провинциальной Ландскруны публикует «Сагу о Йосте Берлинге». И ведь не скажешь, что по наивности: Сельма Ла-

герлёф была очень начитанна и прекрасно осведомлена, что происходит в литературном мире. Мы знаем это из ее переписки.

И все же решилась. У нее, в отличие от Доде, храбрости хватило.

Ошеломленные критики встретили роман в штыки. Сельме Лагерлёф досталось по первое число. Как только ее не называли! Самое мягкое определение — деревенская сказочница. И только через два года, после того как датский критик Георг Брандес прочитал перевод и написал восторженную рецензию, роман заметили и начали хвалить взахлеб. Все, как положено, — нет пророка в своем отечестве.

Хотя критиков можно понять. Что это за роман? Так и вспоминается концовка гоголевского «Носа» — удивительно, как авторы могут брать подобные сюжеты! Даже жанр трудно определить. Любовный? Исторический пастиш с привкусом рыцарского романа в духе Вальтера Скотта? Приключенческий? Сентиментальный? Иронический? Или, как теперь называют этот жанр исконно русским словом, фэнтези? Как ни странно, присутствует и первое, и второе, и пятое, и десятое. Впрочем, если спросят, откуда берет начало так называемый магический реализм Маркеса или, скажем, Кензабуро Оэ, не нужно долго думать над ответом. Магический реализм вырос из магического романтизма Сельмы Лагерлёф.

Это, по-видимому, и есть самое точное определение ее стиля: *магический романтизм*. Недаром великий японец, приехав в Стокгольм для получения Нобелевской премии по литературе, первым делом попросил свозить его в усадьбу шведской писательницы.

Все радости и горести мира, все его искушения и соблазны уместились на берегах небольшого продолговатого

озера. Сто лет маркесовского одиночества уместились в один год. Перед читателем в стремительном карнавале проносятся трубадуры и воины, горные ведьмы и лесные феи, погони и похищения, влюбленности и разрывы, грехи и искупления, природные катастрофы и древние легенды и поверья. Мало того, вряд ли кто из писателей так язычески одушевлял природу, как Сельма Лагерлёф. Озера у нее «знают, где им начинаться», волны сговариваются поднять восстание, потому что им надоело крутить колеса машин, горы и долины пререкаются из-за места на берегу... и написано это с такой убедительностью, что начинаешь сомневаться: а кто их знает, может, и вправду пререкаются.

Мастерство рассказа Сельмы Лагерлёф, возможно, не имеет равных в мировой литературе. Роман представляет собой серию эпизодов, так или иначе связанных с судьбой главного героя — Йосты Берлинга, разжалованного за пьянство пастора, красавца, романтика и сердцееда. Едва ли не каждая глава представляет собой самостоятельный рассказ, законченный сюжет, удивительным образом вплетающийся в канву повествования.

Вот, казалось бы, совершенным особняком стоящая легенда о Кевенхюллере, получившем в дар от лесной феи великий изобретательский талант (оцените изысканность фамилии!). Но этот дар — не дар, а мучение: ему не разрешено повторить свои открытия. Сотворить разрешено, а повторить — нет. Летательный аппарат, самоходный экипаж — все в единственном числе. Он не может передать их людям. Какое же отношение к Йосте Берлингу имеет Кевенхюллер? Вроде бы никакого. Но оказывается, имеет — измученный невозможностью принести людям счастье, Кевенхюллер в припадке сумасшествия поджигает Экебю, прибежище ве-

селях и беспутных кавалеров во главе с Йостой Берлингом. Ставит последнюю точку в хаосе распада.

Роман написан от третьего лица, но иногда автор неожиданно вмешивается в ход событий, высказывает свои мысли, примеряет на себя судьбы своих героев. Вот, например, падает в обморок старушка, обнаружившая в мужнином кресле не кого-нибудь, а врага рода человеческого. Ее спасает случайно заехавшая соседка.

«Если бы на месте Ульрики была я, меня бы спасти не удалось, — неожиданно пугается Сельма. — Я бы к этому времени уже отдала Богу душу».

В другой раз писательница пересказывает легенду о страшной горной ведьме, повелительнице всех ветров, гроз и наводнений, живущей в Вермланде уже, наверное, больше тысячи лет. Подробно описав ужасную старуху, Сельма Лагерлёф мимоходом замечает:

«Я сама ее встречала».

И эти лукавые ремарки, и предельно, подчас даже за пределами романтической интонация автора порождают сомнения: что это? Ностальгия по прошедшим временам сильных чувств и отважных героев или ирония над собственной ностальгией?

А как ответить на извечный детский вопрос — Йоста Берлинг, главный герой, хороший он или плохой?

На этот вопрос читателю придется ответить самому. Дилемма примерно та же, что в «Онегине», — хороший человек Евгений или плохой?

Йоста Берлинг. Обаятельный, искренний, импульсивный, отважный красавец, готовый на подвиги и самопожертвование. Поэтическая душа, великолепный оратор, прирожденный лидер.

Но!

Безответственный шалопай, не думает о последствиях своих поступков, повинуется сиюминутным желаниям, нанося при этом окружающим долго не заживающие раны.

Выбор ваш.

Роман на особый, поэтический манер отображает вечную модель общественного развития: революция, стагнация, распад. В финале кавалеры берутся за ум и начинают усердно трудиться. Сельма Лагерлёф старается показать, что в труде и есть смысл жизни. Словно забыла, что несколькими страницами раньше устами насквозь положительной молодой графини опровергла бескрылую богоборческую философию одного из кавалеров, дядюшки Эберхарда. Тот тоже утверждал, что смысл жизни в работе.

«Разве работа — это Бог? — спрашивает графиня. — Разве в самой по себе работе заключена какая-то цель?»

Может быть, и забыла, что вряд ли, конечно. Но это противоречие делает понятным, почему так очаровательно беспомощны, так трогательно наивны попытки писательницы завершить книгу счастливым финалом — восстановлением разрушенного, всеобщим примирением и катарсисом. Настолько беспомощны и наивны, что невольно приходит в голову — не очередное ли это лукавство великой сказочницы и фантазерки?

И последнее: приношу глубокую благодарность Обществу Сельмы Лагерлёф за предоставленные бесценные материалы.

Сергей Штерн